

А. В. Беляков

Ногайские князья и мирзы в России XVII в. Особенности статуса

В XVI в. наметилась тенденция к выезду или насильственному вывозу в Россию ногайских мирз — потомков ордынского беклярбека Эдигея. Как правило, в Москве оказывались мирзы, проигравшие в борьбе за власть в Ногайской Орде. Здесь они как дети и внуки природных государей приобретали видное положение среди служилой элиты. По занимаемому в Москве статусу их, по видимому, следует отнести к одной из разновидностей служебных князей. После принятия православия они в обязательном порядке становились князьями и пополняли ряды московской придворной знати. Однако в начале 1590-х годов в их положении произошли изменения. Всех крещеных знатных ногайских выходцев отнесли к дворянам по московскому списку. Первоначально многие из них занимали верхние позиции в этой категории лиц Государева двора. Но затем в их статусе наметилась определенная девальвация. Причин тому несколько: 1) поступательная деградация государственности Ногайской Орды; 2) одновременный большой наплыв в Россию потомков Эдигея; 3) устойчивая склонность ряда ногайских выходцев к побегам в родные степи, особенно ярко проявившаяся в период Смуты. Понижение статуса ногайских выходцев не было моментным, растянувшись на весь XVII в.

Прежде всего, следует остановиться на содержании терминов «князь» и «мирза». В русской традиции правителя Ногайской Орды (бия) называли князем. Им мог стать только потомок основателя рода — Эдигея. Всех остальных Эдигеевичей называли мирзами. В Ногайской Орде имелись и иные мирзы и князья, не относившиеся к роду Эдигеевичей, и потому не имевшие прав на верховную

власть. Некоторые из них также попадали в Московское государство, но их статус здесь был намного ниже.

На исходе Смуты в России упоминаются следующие княжеские и мирзинские роды ногайского происхождения: Барангазыевы, Исуповы, Кутумовы, Мамаевы, Смайлевы, Урусовы, Шейдяковы, Юсуповы. В царствование Михаила Романова их список пополнился родами Байтерековых, Иштерековых, Кейкуватовых (Кекуатовых), Мансуровых, Тинмамметевых, Тинбаевых, Токаевых, Ураковых, Урмамметевых.

А. П. Павлов проанализировал статус и землевладение ряда княжеских родов ногайского происхождения в первой половине XVII в.: Юсуповых (Исуповых), Кутумовых, Смайлевых и Шейдяковых¹. В исследовании наглядно показано, что эта категория выходцев с Востока вполне удачно интегрировалась в Государев двор. Во многом этому способствовала брачная политика, проводимая московскими властями: ногайским выходцам подбирали жен из видных, по преимуществу княжеских родов. При этом для первой половины XVII в. явно прослеживается «восточный акцент» при выборе невест: ими становились княжны Тюменские, Черкасские, Сулешевы. Количество невест с «восточными корнями» можно значительно расширить за счет их ближайших родственниц из вполне русских родов. Так, кн. Федор Артемьевич Шейдяков состоял в браке с дочерью князя Ивана и княгини Марии Петровны Бабичевых. Их дети приходились родными племянниками кн. Василию Петровичу Ахамашукову-Черкасскому². И этот пример не единичен.

Одновременно прослеживается некоторое игнорирование новых князей при служебных назначениях. Если в XVI в. ногайские новокрещены назначались воеводами в действующую армию, наместниками в ливонские города и дипломатическими посланниками, то в XVII в. от этой практики практически отказались. Князья со своими немногочисленными отрядами послуживцев несли рядовую службу в полках поместной конницы. Назначения городовыми воеводами происходили лишь изредка. Для первой половины XVII в. можно привести пример кн. Льва Бигеевича Смайлева, в 1633 г.

¹ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование : в 2 т. СПб., 2018.

² Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // ОФР. М. ; СПб., 2013. Вып. 17. С. 256, 266, 289, 332, 373.

бывшего воеводой в Ярославле³, а также нижегородского воеводы (в 1637–1638 гг.) Андрея Сатыевича Урусова и его сына — новгородского воеводы (в 1645–1647 гг.) Семена Андреевича⁴.

Род Смайлевых вскоре пресекался, хотя у него имелись все шансы прочно войти в состав московской служилой элиты. А вот Урусовы — единственные из ногаев — в XVII в. смогли попасть и закрепиться в Боярской думе. Нетипичная карьера этой семьи связана с несколькими факторами. На рубеже XVI–XVII вв. Москва пыталась «замирить» Большую Ногайскую Орду, где разгорелась борьба за власть. В России сделали ставку на бия Иштерека, поэтому на территорию Московского государства дважды вывозили главного его антагониста — мирзу Джан-Араслана б. Уруса. В России со временем оказались также некоторые дети и племянники мятежного мирзы.

Наиболее известным из Урусовых в Московском государстве является кн. Петр (Урак) Арасланович (Джан-Арасланович, Ерусланович). Впервые стольник Петр Урусов отмечен в документах в июле 1604 г.⁵ Его женили на вдове кн. Александра Ивановича Шуйского Анне Григорьевне, урожденной Годуновой. По росписи русского войска 1604 г. Петр должен был выставить 47 конных человек. Это указывает на значительные земельные владения новоявленного князя. Скорее всего, он выставял даточных как со своих поместий, так и с приданных вотчин супруги. В боярском списке 1606/07 г. он значился первым среди стольников⁶. Во время Смуты Петр в 1608 г. отъехал из-под Тулы в Крым, но вскоре вернулся во главе отряда юртовских татар. Позднее мы видим его в Тушинском лагере, а затем и в Калуге⁷. В то время он именовался «ближним великим боярином» тушинского Вора⁸. В декабре 1610 г. в Калуге

³ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост.: А. В. Антонов и др. М., 2010. № 5977-43. С. 223.

⁴ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 150, 153.

⁵ Разрядная книга 1475–1605 / сост.: Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко. М., 2003. Т. 4, ч. 2. С. 74.

⁶ Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 293, 379.

⁷ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 550.

⁸ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 57, 87, 91, 118, 123.

он убил Лжедмитрия II, после чего окончательно покинул территорию России⁹. В Крыму Петр/Урак породнился с беком крымских ногаев Кантемиром. От этого брака у него были дети, чья судьба оказалась трагичной. В 1628 г. в одном из ногайских дел читаем о беглом князе: «жену его и детей в Крыме сожгли»¹⁰. Дело в том, что Петр/Урак и Кантемир затеяли гражданскую войну с крымскими ханами. Она шла с переменным успехом. Когда Гирей брали верх, ногаи даже задумывались о возможном переселении к родственникам под Астрахань при условии, что Урака оставят в мусульманской вере и не заставят вернуться к брошенной княгине. В 1639 г. хан Бахадур-Гирей заманил Урака в Бахчисарай и казнил¹¹. Высокий статус Петра Урусова в России далеко не случаен. Он представлял собой некий образец для всех ногайских мирз, показывающий, до какой степени московский государь может жаловать своих верных подданных. По той же причине вывезенным в Москву в 1615 г. родным и двоюродным братьям Петра/Урака предоставили значительное материальное содержание. Это был своего рода сигнал и для самого беглого князя. Русские власти долгое время безуспешно стремились заполучить его обратно. В письмах, адресованных Петру Урусову, подчеркивался его вклад в преодоление Смуты (убийство «царика»).

Не всем братьям Петра в Москве повезло одинаково. Судьба благоволила мирзе Касаю б. Сатыю. После крещения он стал кн. Андреем Сатыевичем Урусовым. В 1618 г. в чине стольника он сидел в осаде в Москве¹². Далее он упоминается как московский дворянин до смерти в 1642/43 гг.¹³ Женился он на Марии Васильевне Тюменской (в иночестве старица Марфа), имел сына Семена

⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 14 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 76, 93, 104–105.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 23.

¹¹ *Третьяков В. В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002. Россия и торкский мир. М., 2003. С. 337.

¹² Осадный список 1618 г. / сост.: Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 31. (Памятники истории Восточной Европы : источники XV–XVII вв. ; т. 8).

¹³ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015. С. 37, 123, 201, 284, 362, 413, 475 ; Боярская книга 1627 г. / под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 68–69 ; Боярская книга 1639 года / отв. ред. В. И. Буганов. М., 1999. С. 90. (Ошибочно назван Семеновичем).

и дочерей Варвару (жена кн. Петра Семеновича Прозоровского)¹⁴ и Ирину¹⁵. Следует остановиться на генеалогии Марии Тюменской. Ее отец, Василий Агишевич, взял в жены Марию, дочь Ивана Большого Васильевича Шереметева. Ее родная сестра (известно ее иноческое имя — Агафья) была замужем за астраханским царевичем Михаилом Кайбуловичем (Муртаза-Али б. Абдула), а двоюродная сестра, Елена, дочь Ивана Меньшого Васильевича Шереметева, выдана за царевича Ивана Ивановича¹⁶, сына Ивана IV. Как видим, князю Андрею подыскали невесту, имевшую «восточные» корни и в то же время находившуюся в свойстве с московскими государями.

Настоящий карьерный взлет семьи Урусовых произошел только с Семеном Андреевичем. С 19 июня 1637 г. он был стольником, с 12 января 1641 по 1645 г. — кравчим, затем дворянином по московскому списку¹⁷, с 11 марта 1655 г. — боярином¹⁸. Он женился на дочери Бориса Михайловича Лыкова Федосье Борисовне, двоюродной сестре царя Михаила Федоровича. Именно благодаря этому браку Урусовы стали неперенными членами Боярской думы, хотя основу этой традиции заложил еще Андрей Сатыевич и его русские родственники. Крестным отцом Семена стал кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, племянник царицы Марии Темрюковны. Умер Семен Урусов в 1657 г. Его карьера являет собой единственный пример столь удачного встраивания в придворную элиту XVII в. Другие ногайские выходцы так высоко подняться не смогли, хотя иные из них имели для того все данные.

Для продвижения по карьерной лестнице требовались «правильные» матримониальные связи. Нагляднее всего это показывает судьба Ивана Кареповича (Кореловича) Юсупова. У Эля б. Юсуфа известно трое сыновей: Сююш, Бай и Чин. Когда Эль в 1560-х годах выехал в Россию, Чин оказался в Сибири: одной из жен Эля была

¹⁴ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. № 1. С. 885.

¹⁵ Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И. П. Алябьев. Ульяновск, 2014. С. 393.

¹⁶ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 109.

¹⁷ Боярская книга 1639 года. С. 25–26, 31.

¹⁸ Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. 1. С. 309 ; Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2004. С. 15.

сестра сибирского хана Кучума¹⁹. В первой половине 1595 г. мирза добровольно выехал в город Тару и вскоре его отправили в Москву²⁰. По-видимому, в России племянника Кучума женили на неизвестной по иным источникам сестре знатных крымских выходцев Юрия и Василия (Маметша, Мухаммед-Ишан) Яншеевичей Сулешевых. В этом браке, похоже, и родился сын Корел. Сыном Корела был Бий, крестившийся в 1639/40 г. и ставший кн. Иваном Юсуповым (Исуповым)²¹. В 1643 г. он унаследовал вотчины своего бездетного деда кн. Юрия Яншеевича Сулешева²². Крещение внука, по-видимому, дед инициировал с целью упрощения наследования. В 1649 г. Иван с женой Марьей (дочерью кн. Петра Александровича Репнина), сыном и дворовыми людьми оказался в ссылке на Белозере. Все его земельные владения конфисковали. Кара последовала за недоносительством в течение более трех месяцев на своих дворовых, говоривших «непригожие слова» о государе (будто он «не прямой государь», то есть незаконнорожденный)²³. По-видимому, Иван стал разменной монетой в борьбе с боярином Б. И. Морозовым. В 1651/52 г. жену Ивана вместе с детьми по челобитной ее дяди боярина Бориса Александровича Репнина отпустили в Москву. Князя Ивана перевели «под начало» в Кирилло-Белозерский монастырь²⁴. Далее он упоминается как дворянин московский²⁵. Умер Иван не ранее 1676/77 г. Он имел сына Семена (с 1671/72 г. — стряпчий, в 1675/76 г. — стольник), умершего не ранее 1685/86 г.²⁶

¹⁹ Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства : научный ежегодник. Казань, 2017. № 9. С. 106 ; Тюменское и Сибирское ханства / отв. ред.: Д. Н. Маслюженко и др. Казань, 2018. С. 400.

²⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1596 г. Д. 1 ; Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 3-е. М., 2005. Т. 1. С. 291, 361.

²¹ РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 208.

²² Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова ... Т. 2. С. 231.

²³ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М. ; Л., 1948. Т. 2. С. 212, 246 ; Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» // Известия Томского университета. Томск, 1919. Кн. 68. С. 22, 69–70.

²⁴ ОдиБ МАМЮ. М., 1908. Кн. 15. С. 276. Примеч. 2.

²⁵ Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 1. С. 315.

²⁶ Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах ... М., 1853. С. 489.

В отношении статуса ногайских выходцев религиозный фактор имел важное значение. В XVI в. ногайские мирзы после выезда в Россию могли оставаться в исламе. Их потомки зачастую также сохраняли веру предков. Но после Смуты крещение для нововъезжих стало практически обязательным. Некоторое время возможность оставаться мусульманами сохраняли только лица, вывезенные в Россию из астраханских степей за те или иные преступления и проживавшие «за приставом». Но и они для повышения статуса в обязательном порядке должны были перейти в православие.

Во второй половине XVII в. происходила дальнейшая девальвация статуса ногайских выходцев. Лучше всего о них сказал П. Гордон: «люди хорошего рода, но низкого положения»²⁷. До этого времени некоторые новокрещенные князья могли получать материальное содержание, не неся обременительных служб (в первую очередь — в действующей армии). Они изначально имели высокие поместный оклад и годовое денежное жалование, а их поденный корм увеличивался регулярно и, как правило, не за службу. Во второй же половине XVII столетия княжеских детей стали верстать годовым денежным жалованьем и поместным окладом со значительной убавкой по сравнению с их отцами. Улучшить свое положение они могли только службой.

Приведу в этой связи пример. Кн. Дмитрия Сатыевича Шейдякова изначально верстали 550 четями поместного оклада и 35 руб. годового денежного жалования. За литовскую службу 1654–1656 гг. он получил придачу в 150 четей и 12 руб. Известно, что в 1648/49 г. его поверстали новичным окладом в 550 четей и 35 руб. За полковую службу 1658/59–1659/60 гг. он получил прибавку в 250 четей и 19 руб. За походы 1663/64–1664/65 гг. ему прибавили еще 130 четей и 9 руб., и его поместный оклад составил 930 четей, а денежный 63 руб.²⁸

Негативно на статус новокрещенных князей влиял их отказ от поместий в пользу поденного корма. Если в XVII в. такой шаг еще не имел серьезных последствий, то в начале XVIII в. решившиеся на него оказывались в явном проигрыше по сравнению с испомещенными родственниками. Обратим также внимание еще на один момент.

²⁷ Гордон П. Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 69–70.

²⁸ Боярская книга 1658 года. С. 149, 191.

Если ранее ногайские князья начинали службу в московских дворянах или в стольниках, то в последней четверти XVII в. их первым пожалованием становился, как правило, чин стряпчего или жильца.

В последней четверти XVII в. было принято решение о крещении остававшихся в исламе мирз Юсуповых и Кутумовых. Точнее, перед ними поставили выбор: либо принять православие и стать стольниками, либо сохранить веру предков и потерять обширные поместья с русскими крестьянами. Юсуповы, осознав серьезность создавшегося положения, изъявили желание креститься (история с гусем, поданным в постный день церковному иерарху одним из мирз, послужившая якобы поводом для смены веры, придумана намного позже)²⁹. Большинство Кутумовых остались верны исламу. У них отписали поместья, а самих мирз определили в разряд кормовых иноземцев и перевели на жительство в Вологду.

Для знатных выходцев с Востока очень важно было креститься вовремя, а именно тогда, когда русский царь мог в полной мере оценить данный шаг. В этом случае можно было рассчитывать на значительную прибавку материального содержания и заметный служебный рост. Если же благоприятный момент оказывался пропущен, то смена веры проходила почти незаметно для неопита. Вынужденный переход в православие на исходе XVII в. — явно запоздалое решение. Однако и здесь встречаются исключения. Юный стольник Григорий Дмитриевич Юсупов стал участником забав молодого царя Петра Алексеевича, а позднее стал одним из его сподвижников. Это в конечном итоге предопределило судьбу его потомков. За короткий срок они превратились в богатейшую семью государства. Однако это никак не сказалось на положении других Юсуповых, даже братьев и племянников Григория Дмитриевича.

Наиболее показательным примером падения статуса ногайских князей в России является история с признанием принадлежности к князьям Ураковым представителей уфимских служилых людей с тем же родовым прозвищем³⁰. Анализ сохранившихся документов, а также иные косвенные данные позволяют утверждать, что

²⁹ *Беляков А. В.* Князья и мирзы Юсуповы в России XVI — первой половины XVIII вв. (предварительные итоги) // *Российская генеалогия : научный альманах.* М., 2021. Вып. 10. С. 40–59.

³⁰ *Азнабаев Б. А.* Происхождение и история уфимского княжеского рода Ураковых // *Река времени.* 2017. Уфа, 2017. С. 9–28.

родство сфальсифицировали. Интересно, что за несколько десятилетий до дела Ураковых, а именно при подтверждении княжеского достоинства Якова Урмаметева и Прокопия Тинмамметева, проводились целые расследования, отправлялись запросы их родственникам в степь³¹. В случае с Ураковыми, по-видимому, подобного не сделали. И это не единственный случай, когда княжеское достоинство получили незаконно. Так, стольником и, возможно, князем стал переводчик Посольского приказа Маматагей (Максим) Андреевич Заманов. Свою карьеру этот выходец из Гиляна начал шелковых дел мастером в Астрахани³². Подобные случаи происходили, по-видимому, из-за массового наплыва лиц, получивших в 1680-е годы княжеский титул и чин стольника за сам факт принятия православия.

Справедливости ради следует отметить, что во второй половине XVII в. все же фиксируется увеличение числа заметных служебных назначений ногайских князей. Урусовы по-прежнему занимали здесь лидирующие позиции. Никита Семенович был на воеводстве в Новгороде (1677 г.), на Двине (1681–1682 гг.), в Киеве (1679 г.)³³; Федор Семенович — в Новгороде (1683–1684 гг.)³⁴; Семен [Никитич] — в Смоленске (1678 г.)³⁵; Алексей Никитич — на Вятке (в 1697 г.)³⁶. Это явно не все назначения членов семьи на воеводства. Урусовы занимали видные должности при дворе: кравчие Семен Андреевич (1641–1645 гг.) и Петр Семенович (с 1658 г.), чашник

³¹ *Трепавлов В. В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история). С. 320–353; *Беляков А. В.* Князя Тинмамметева, Кейкуватовы (Кекуатовы), Енеевы, Байтерековы в России XVII в. // Средневековые торко-татарские государства: научный ежегодник. Казань, 2018. № 10. С. 14–20.

³² Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А. В. Беляков, А. Г. Гуськов, Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин.* М., 2021. С. 233; Боярские списки XVIII века: информационно-поисковая полнотекстовая система / рук. и авт. идеи проекта Захаров А. В. Челябинск, 2003–2020. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=5749 (дата обращения: 10.12.2021).

³³ *Барсуков А. П.* Списки городских воевод ... С. 66, 103, 155; Описание грамот Коллегии экономии / подгот.: А. В. Антонов. М., 2016. Т. 1. № 4476, 4477, 4482. С. 783.

³⁴ *Барсуков А. П.* Списки городских воевод ... С. 155.

³⁵ Описание грамот Коллегии экономии. М., 2020. Т. 3. № 10892/1. С. 19.

³⁶ *Барсуков А. П.* Списки городских воевод ... С. 58.

Никита Семенович (1658 г.), возницы Никита Семенович (1659 г.) и Юрий Семенович (1668 г.)³⁷.

Из других князей ногайского происхождения только Шейдяковы попадали во второй половине XVII в. на воеводства. Дмитрий Сатгевич был воеводой в Галиче (в 1678 г.)³⁸, Михаил Федорович — в Соликамске (в 1686–1687 гг.)³⁹; после его смерти здесь дослуживал на воеводстве его сын Афанасий Михайлович)⁴⁰, Михаил Федорович — в Козлове (в 1685 г.)⁴¹. Причина столь редких воеводских назначений кроется, возможно, в недостаточной адаптации ногайских князей к новым условиям жизни, в частности, в слабом владении русским языком. Так, жители Галича отправили в Москву челобитную с просьбой заменить воеводу Шейдякова, поскольку он не знает «русского извычья» и языка⁴². Видимо, сказывалось также стремление ногайских выходцев проживать компактными анклавами. Особенно негативно это проявлялось в тех случаях, когда новокрещены женились не на девушках из русских родов, а на дочерях своих соплеменников⁴³ (с середины XVII в. подбор невест для ногайских князей перестал осуществляться в Кремле).

Таким образом, на протяжении XVII в. фиксируется последовательное падение статуса ногайских князей в Русском государстве. Параллельно с этим сокращалось количество ногайских княжеских родов. Рубеж XVII и XVIII вв. смогли преодолеть только Барангазыевы, Кейкуатовы, Ураковы, Урусовы, Шейдяковы и Юсуповы. В начале XX в. известны потомки князей Кейкуатовых, Ураковых, Урусовых и Юсуповых. Причина сокращения количества фамилий,

³⁷ Седов П. В. Закат Московского царства : царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 78, 374.

³⁸ Барсуков А. П. Списки городовых воевод ... С. 60.

³⁹ Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.) / ред. А. А. Титов. СПб., 1888. С. 104, 105.

⁴⁰ Космовская А. А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. : диссертация ... кандидата исторических наук. Пермь, 2015. С. 53.

⁴¹ ОдиБ МАМЮ. М., 1910. Кн. 16. С. 147 (1-я паг.); Мизис Ю. А. Военно-географическая экспедиция 1685 г. в Тамбовском крае // Историческая география черноземного центра России (дооктябрьский период) : межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1989. С. 50–56.

⁴² ОдиБ МАМЮ. М., 1901. Кн. 12. С. 124.

⁴³ Беляков А. В. Браки ногайских мирз / князей в России XVI–XVII вв. // Имена московской науки : материалы международной научно-практической конференции (29 сентября 2017 г.). М., 2018. С. 17–22.

а также численности их отдельных представителей до конца не ясна. Вместе с тем нельзя не отметить, что инкорпорация ногайских новокрещенов, проводимая за счет продуманной брачной политики, не оказалась в полной мере успешной. Опора на родственников жен далеко не всегда способствовала достижению желаемого результата. Здесь многое зависело от правильного выбора невесты. Так, женитьба Федора Сергеевича Урусова на Фекле Грушецкой — сестре царицы Агафьи Семеновны, сделала его свояком царя Федора Алексеевича. Однако после смерти бездетного государя это родство утратило актуальность. Ногайские князья сравнительно комфортно ощущали себя в условиях допетровской Руси, изменения же, произошедшие на рубеже XVII–XVIII вв., лишили их каких-либо преимуществ. Им пришлось пробивать дорогу наверх на общих основаниях. Успех в этом сопутствовал лишь немногим (Урусовым и одной из ветвей рода Юсуповых).